

Соединенными Штатами, экономическая и информационная война против России. Она создала в массовом общественном сознании населения России ощущение враждебного окружения, которое, в свою очередь, породило ответное, негативное отношение к угрожающим внешним силам. Последствия этого могут быть двоякими. При умеренном уровне доминирования данного элемента общественного сознания он может сыграть роль фактора, сплачивающего российское общество. Если же он обретет крайние формы, при которых национальное самосознание преобразуется в агрессивный национализм, то его воздействие на складывающуюся стабильность неизбежно приобретет негативный характер.

Обратную эволюцию может обрести нарастающая ныне критическая оценка все более заметной частью общества уязвимой экономической политики. При игнорировании этого обстоятельства она может лечь в основу мощных разъединительных воздействий. Своевременный же учет этих настроений и вытекающие из него практические действия могут преобразовать установки общественного сознания из разъединяющих в сплачивающие — тем самым, в важнейшее условие сплочения общества.

*Х. С. Галстян
Ереван, Армения*

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА

В деле урегулирования этнополитических конфликтов одной из эффективных моделей является интеграционный подход. В рамках данной парадигмы считается, что интегрирование конфликтующих сторон в единое объединение является важным механизмом, стимулирующим нахождение взаимовыгодных решений, сближение позиций противоборствующих сторон, снижение конфликтного восприятия и повышение уровня доверия между сторонами. В истории мировой политики и международных отношений есть немало удачных примеров урегулирования этнических противоречий на основе интеграционной парадигмы.

В этом отношении не составляет исключения и евразийский интеграционный проект, который кроме экономического компонента, по нашему мнению, имеет и другой, немаловажный, но до конца не раскрытый потенциал. И этот потенциал касается перспектив урегулирования старых, наболевших этнополитических конфликтов на евразийском пространстве.

Действительно, Евразийский союз — это прежде всего экономическое объединение, где интеграционные субъекты на основе равноправия, уважения суверенитета друг друга, исходя из экономической целесообразности решили создать общие механизмы экономической регуляции и углублять сотрудничество в рамках единого экономического поля. Но одновременно надо признать, что успешная экономическая интеграция со временем может привести к политической, а в будущем — и к интеграции на цивилизационной основе. В этом плане очень актуальным становится вопрос перспектив урегулирования этнополитических конфликтов на евразийском пространстве. Ведь не секрет, что после распада Советского Союза мы стали свидетелями усиления дезинтеграционных процессов на всем Евразийском континенте, в частности на Южном Кавказе, где в географическом плане на относительно небольшой территории существуют три независимых государства, три самопровозглашенные и частично признанные республики, ряд реальных и потенциальных конфликтогенных очагов.

В плане урегулирования конфликтов позитивную роль может сыграть экономическое сотрудничество и стимулирование интеграционных процессов между конфликтующими субъектами в рамках единого экономического пространства.

С геополитической точки зрения интеграционные процессы в рамках Евразийского союза тоже могут оказать позитивное влияние на процесс урегулирования этнополитических конфликтов. Особенно если учесть тот факт, что Россия последние 300 лет постоянно присутствовала в регионе в качестве ведущего геополитического игрока, у которого сложились традиционные связи со всеми конфликтующими сторонами карабахского конфликта, и если добавить к этому тот факт, что именно Россия является основным локомотивом евразийской интеграции, то у нее появляются дополнительные преимущества в посреднической деятельности по урегулированию. Учитывая свои «особые отношения» с конфликтующими сторонами, с 1991 по 1994 г. и после этого Россия всегда вела активную посредническую деятельность как отдельно, так и в рамках Минской группы ОБСЕ. А сочинская инициатива Президента России в августе 2014 г. и переговоры при посредничестве России лидеров Армении и Азербайджана были своевременными политическими решениями в плане недопущения будущей эскалации карабахского конфликта.

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения перспектив урегулирования этнополитических конфликтов и на третьем — цивилизационном уровне. Как уже отмечалось, нельзя рассматривать Евразийский союз только с экономической точки зрения. По нашему глубокому убеждению, в недрах Евразийского союза таятся и глубокие цивилизационные корни. Выдвигая данную амбициозную концепцию, Россия берет на себя некую цивилизационную миссию — поддержать мир, стабильность

и справедливость во всем мире. Именно Россия сегодня в мировом масштабе выступает против однополярной системы международных отношений, за создание справедливого миропорядка. Многие народы и этносы именно в лице России видят тот цивилизационный центр силы, который может противостоять западной глобализационной модели, стандартизированным и унификационным тенденциям западной культуры.

В этом случае бесспорным преимуществом России может стать именно справедливый подход в деле урегулирования этнополитических конфликтов, поиск общей евразийской цивилизационной идентичности, мирное сосуществование и процветание всех народов Евразийского союза.

Так что в плане евразийской интеграции все только начинается, и нас впереди ожидают очень интересные времена — геоэкономические, геополитические и цивилизационные трансформации планетарного масштаба, в ходе которых, по нашему глубокому убеждению, страны и народы евразийского интеграционного проекта окажутся на передовых позициях общемирового прогресса.

И. И. Гамилов
Москва

СТРАТЕГИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Стратегия — одно из самых часто используемых понятий во внешнеполитических исследованиях. Однако, на наш взгляд, грамотное употребление данного концепта осложнено рядом теоретико-методологических проблем.

Во-первых, зачастую авторы, оперирующие понятием «стратегия» в своих работах, имплицитно или эксплицитно исходят из традиции изучения стратегии, которая сложилась в военном деле и военной науке. Однако концепт стратегии достаточно глубоко осмыслен и изучен в таких дисциплинах, как теория игр, корпоративный менеджмент, политические технологии. Следовательно, для превращения стратегии в «рабочий инструмент» анализа необходимо синтезировать сложившиеся традиции понимания феномена стратегии *per se*.

Во-вторых, возникает острая проблема построения эффективной методологии изучения процесса формирования и реализации стратегии как таковой. К сожалению, в работах по международно-политической проблематике не было предложено научно обоснованных методов анализа страте-

гии. Данный пробел был в какой-то степени восполнен известным теоретиком стратегического менеджмента Генри Минцбергом, который исходя из посылок теории организации выстроил методологию изучения стратегий в прикладном аспекте. Однако применимость методологии Минцберга в сфере внешней политики требует скрупулезного критического анализа.

В-третьих, использование понятия «стратегия» в исследованиях во внешней политике и международных отношениях сопряжено с серьезной терминологической путаницей. Американские авторы, а вслед за ними некоторые российские исследователи используют понятие «большая стратегия» (*grand strategy*). Однако ни в западном, ни в российском дискурсе не сложилось единого понимания данного понятия, хотя изначально большая стратегия означала всего лишь использование всех имеющихся в распоряжении государства ресурсов (дипломатических, торгово-экономических, военных и т.д.) для достижения победы в военном конфликте. В литературе также используется термин «стратегия национальной безопасности», однако он невольно вызывает ассоциации с соответствующим документом, публикуемым правительствами ряда стран (в первую очередь речь идет о правительстве США). Российские авторы в отличие от своих заокеанских коллег часто оперируют термином «внешнеполитическая стратегия», не обосновывая и не концептуализируя его. Единственным исключением из общего правила является книга американского автора Терри Дейбела «Foreign Affairs Strategy» (2007), в которой он попытался «разложить по полочкам» понятия «большая стратегия», «стратегия национальной безопасности» и «стратегия внешней политики» (*foreign affairs strategy*).

В-четвертых, существует концептуальная неясность по поводу соотношения понятия стратегии в сфере внешней политики с некоторыми другими терминами и концептами. Прежде всего необходимо выяснить, как точно соотносятся друг с другом стратегия и политический курс/политика (*policy*). В этом плане примечательна классическая работа известного американского историка Джона Льюиса Гэддиса «Стратегии сдерживания» (2005), в полном названии которой одновременно присутствуют слова «стратегия» и «политика». Также с теоретико-методологической точки зрения необходимо выявить разницу между терминами «стратегия» и «стратегическое планирование».

В-пятых, мнения разнятся насчет «коннотации», придаваемой понятию «стратегия». С одной стороны, в некоторых работах подчеркивается: стратегия возникает тогда, когда цели и средства, ресурсы и задачи хотя бы минимально соотношены друг с другом, хотя бы минимально предвосхищают действие. Сторонники данной, условно «позитивистской» точки зрения утверждают: элементы стратегии существуют в любом социально-политическом действии. С другой стороны, часто выдвигается тезис (особенно в работах по дипломатической истории), что стратегия отличается